

скопы, дамы, испанскіе клерикалы и американскіе республиканцы, были въ его глазахъ лишь колесами и пружинами того механизма, который онъ отлично умѣлъ заводить. Долгій успѣхъ въ этомъ дѣлѣ избаловалъ его, и съ годами онъ слишкомъ увѣровалъ въ свое искусство; какъ ни скоплялись препятствія, онъ зналъ, что всегда найдетъ исходъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, росло въ немъ пренебреженіе къ людямъ и ихъ ограниченности, — не идеализировать же, въ самомъ дѣлѣ, эти безответныя орудія воли хозяина! Въ этой самоувѣренности—вся трагедія его жизни. Когда старого порядка не стало, Бомарше захотѣлъ удержаться на прежней высотѣ, но тайна была потеряна, заветный ключъ не подходилъ болѣе, все разладилось, вышло изъ повиновенія, и прежній властелинъ сталъ докучнымъ просителемъ.

Но жизнь въ такой же степени поддается сравненію съ театромъ маріонетокъ, съ ярмарочной сценой героическихъ „пародовъ“ и смѣшныхъ интермедій. Бомарше и тутъ на своемъ мѣстѣ, какъ превосходный режиссеръ,—не только потому, что артистически ставилъ на міровую сцену и свои безсмертныя комедіи, и политическіе спектакли съ пушечной пальбой и таинственныя мелодрамы съ разбойничьими нападеніями, и т. д., и долго пожималъ рукоплесканія партера, но и потому, что еще въ дѣтствѣ дѣлвшій время между отцовской мастерской и уличными увеселеніями Парижа, онъ цѣлой стороной своего характера примыкаетъ къ вкусамъ и привычкамъ истинно-національнаго и независимаго *théâtre de la foire*. Говорили даже, будто, выгнанный разъ отцомъ за безпорядочность, онъ примкнулъ къ ярмарочнымъ комикамъ и довольно долго работалъ съ ними. Его лучшія пьесы не свободны отъ веселой суетни и сплетенія интригъ, которыя царили въ любимомъ имъ нѣкогда народномъ театрѣ; въ его „мемуарахъ“ инныя страницы точно выхвачены изъ остроумнаго фарса. Казалось, жизнь вѣчно повторяла передъ нимъ любимыя темы буффонадъ, съ ихъ обманутыми простаками и торжествующимъ арлекиномъ. Приходилось выбирать одну изъ этихъ двухъ ролей, и, смѣтливый, остроумный и честолюбивый, онъ выбралъ самую благодарную, ту, за которой послѣднее слово въ пьесѣ, и игралъ эту роль всю жизнь, какъ величайшій актеръ.

Онъ съ дѣтства привыкъ полагаться на свои силы. Да и было ли у него настоящее дѣтство? Школьная пора кончилась на тринадцатомъ году (род. въ 1732 г.), и все, что онъ впослѣдствіи зналъ, конечно, приобрѣтено было не у скромнаго учителя деревенской школы подъ Парижемъ. Во время размолвки съ отцомъ и бѣгства изъ дому, онъ уже живетъ самостоятельно; когда онъ